

В 1999 году отмечается 100-летие со дня учреждения высшего образования на Дальнем Востоке России.

В связи с этой датой редакция сегодня открывает новую рубрику и предполагает опубликовать под ней ряд статей

ПЕРВЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЯПОНИИ (VIII—XI вв.)

Александр Федорович ПРАСОЛ,
кандидат филологических наук

Уточнение предмета

Решение вопросов, связанных с зарождением и формированием первых образовательных систем, требует уточнения того, что, собственно говоря, следует понимать под образованием. Если понимать его широко, как обучение всех всему вообще, то придется признать, что образование есть константа любого человеческого сообщества, в том числе и первобытного, ибо и в первобытном обществе существовала разница между взрослыми и незрелыми членами коллектива и, следовательно, необходимость усвоения некоторых правил и понятий в процессе социализации последних. Такое широкое понимание часто встречается в работах японских исследователей, занимающихся вопросами истории отечественного образования (1, с. 4). Этот подход, однако, представляется не совсем точным. Его недостаток заключается в том, что он размывает границу между образованием как признаком человеческого общества и обучением, объективно существующим в любой группе высокоразвитых животных. Так, обучение детей навыкам собирательства или примитивного земледелия в первобытной общине ничем принципиально не отличается, например, от обучения детенышей любого хищного животного навыкам охоты. А нормы и правила поведения в стае, как стало известно в последние десятилетия благодаря наблюдениям ученых, по своей сложности не уступают взаимоотношениям в человеческом коллективе. Поэтому ссылки на важность усвоения социальных норм как обязательного аспекта воспитания также вряд ли могут здесь помочь (2, с.26).

Вероятно, принципиальное отличие образовательного процесса в организованном человеческом сообществе начинается с момента изобретения способов фиксации и хранения информации, отличающихся от физиологических

данных, и неразрывно связанного с этим использования такой информации для достижения социально значимых целей. Проще говоря, свойственное только человеческому сообществу образование как социальный институт начинается там, где человек учится читать, писать и считать, а затем использует полученные знания для достижения либо своих индивидуальных целей, либо коллективных целей той социальной группы, к которой принадлежит.

Потребность в учебных заведениях

Зарождение такого, понимаемого в более узком смысле, образования относят в Японии к VII в. В период реформ Тайка 645—646 гг. (*Тайка кайсин*) впервые возникла потребность в большом количестве грамотных чиновников для работы в административном аппарате. Изменения в управлении, территориально-административном делении страны и многие другие преобразования требовали специально подготовленных и дисциплинированных исполнителей. Реформа в целом проводилась по китайской модели и при огромном влиянии китайской культуры. В числе прочих заимствований была скопирована и китайская модель казенного учебного заведения, готовившего кадры управленцев для центрального правительства. В исторических хрониках содержатся упоминания о том, что такое заведение существовало уже при дворе 38-го по счету правителя Тэндзи (626—671), управлявшего Японией с 668 по 671 г. Статус, который имела школа, позволяет отнести ее к разряду высших учебных заведений. Ее историческое название — *дайгакурё* (1). Оно сохранилось как символ эпохи и до сих пор используется в работах по истории японского образования без расшифровки. Школа располагалась в том же городе, что и ставка правителя, то есть в столице. В правление Тэндзи это был город Оцу (2). Аналогичное учебное заведение существовало при дворе правителя Тэмму (?—686), управлявшего страной с 673 по 686 г., в его столице, г. Фудзиваре (территория современной префектуры Нара).

Первые официальные распоряжения о создании при дворе правителя учебного заведения по китайскому образцу относятся к периоду реформ Тайка и принадлежат их главному инициатору, принцу Наканооэ, который позднее вззошел на престол и вошел в историю под именем Тэндзи. Но еще в течение полувека первые *дайгакурё* оставались весьма слабыми и малоэффективными. Полноценное организационное оформление и финансовое обеспечение они получили только в 701 г., когда был принят кодекс административных, гражданских и уголовных законов «Тайхо рицурё», завершивший процесс построения в Японии централизованного бюрократического государства.

Исторические хроники сохранили сведения о том, что верховные правители предпринимали попытки распространения грамоты на дела управления своими территориями гораздо раньше. Так, по свидетельству *Нихон сёки*, правитель Ритю, управлявший страной в начале — середине V в., еще в 403 г. распорядился учредить в провинциях письмоводческие конторы. Им вменялось в обязанность не только распространение начальной грамоты, но и чтение поступающих из ставки правителя распоряжений и доведение их до сведения подчиненных, а также подготовка письменных докладов в центр (3, с. 14). С именем этого правителя связывается и начальное распространение сведений о математике (4, с. 34).

Ранний этап (неорганизованное обучение)

Сведения о том, какие формы изучения письменности существовали в Японии в предшествующие века, отрывочны и не всегда достоверны. Главными источниками информации считаются древние литературные памятники

Кодзики и *Нихон сёки*. На основе их изучения японские историки склоняются к мнению, что первые иероглифические тексты попали в Японию из Китая уже в первом веке (1, с.6), а их более или менее систематизированное изучение относится разными исследователями к концу III—IV вв. В этот период Япония имела тесные связи с государствами Корейского полуострова, непрерывно воевавшими между собой и с соседним Китаем. Находясь под мощным политическим и культурным влиянием своего большого соседа, они служили проводником этого влияния и на древнее японское государство Ямато. Волны переселенцев с Корейского полуострова одна за другой накатывали на Японию на протяжении нескольких веков. Среди переселенцев было немало умелых ремесленников и ученых-конфуцианцев, усвоивших весьма развитую этико-политическую систему взглядов древних китайских философов. Можно предположить, что знакомство японцев с письменными памятниками древнекитайской культуры в действительности произошло раньше, чем это зафиксировано в исторических хрониках. Однако официальная историография связывает начало этого процесса с именами двух корейских переселенцев из страны Кudara (3). Один из них, по имени Адзика (второе историческое имя Адзикаси), прибыл ко двору японского правителя и стал гувернантом принца Удзиноваки Ирацуко, обучавшим его грамоте и китайским наукам. Чуть позже при дворе появился еще один выходец из страны Кudara, ученый монах по имени Вани (встречается историческое имя Ваникиси). Дата и обстоятельства его переезда в Японию точно не установлены. По одним сведениям, он приехал по вызову и рекомендации своего предшественника Адзика, по другим — бежал от вспыхнувшей на родине междоусобной войны (5, с.30). В некоторых работах указывается точная дата его приезда — 285 г. (6, с.13), 270 г. (7, с.251), в других же говорится, что он оказался в Японии в конце IV — начале V в. (8). Ученый Вани из страны Кudara привез в дар японскому правителю два канонических китайских трактата, *ронго* (китайское название «Лунь Юй») и *сэн-дзимон* (кит. «Цянь Цзывэнь»). Оба трактата входили в золотую серию конфуцианской классики и были чрезвычайно почитаемы на материке. По ним молодой принц продолжал свое обучение. Этот факт персональной учебы отпрыска верховного правителя Японии, как исторически документированный, некоторые японские ученые склонны считать началом образования в Японии.

Ронго («Беседы и суждения») в тогдашней редакции представлял собой десяти томный труд, по версии адептов Конфуция, составленный его верными учениками сразу после смерти учителя. В нем зафиксированы их беседы и дискуссии, после его смерти сведенные в один труд и отредактированные. Однако в действительности есть серьезные свидетельства того, что трактат был составлен позднее, в V в. до н.э., и не прямыми учениками Конфуция, а учениками его учеников. Эта книга сыграла огромную роль в жизни Китая. В школе ее заучивали наизусть и должны были руководствоваться ее положениями в течение всей жизни. Почти две тысячи лет она наряду с другими книгами конфуцианства формировала общественное сознание китайского народа.

Текст трактата охватывает необычайно широкий перечень тем и вопросов. В нем можно найти наставления молодым ученым, много разделов посвящено рассуждениям о смысле политики, понятии добродетельности и важности ритуала. Китайский мыслитель дает множество советов и рекомендаций, как отличить достойного человека от недостойного, определяет, каким должен быть идеальный правитель, и т.п. Работа не содержит единой философской или социальной концепции, скорее, это просто набор фактов и наблюдений, сделанных живым умом. По выражению Макса Уэббера, изложение очень напоминает монологи индейцев об окружающем мире (9). Однако текст напи-

сан очень простым и лаконичным стилем, понятным и доходчивым, лишен всяческих литературных украшений, умело удерживает внимание читателя. В нем содержатся основные положения этико-политического учения Конфуция, что с давних времен придавало трактату канонический характер.

Другой памятник, подаренный японскому верховному правителю, *сэндзимон* («Книга тысячи иероглифов») — это стихотворный трактат, составление которого относится специалистами к концу IV — началу V в. Он известен тем, что состоит из тысячи иероглифических знаков, организованных в очень своеобразную стихотворную форму, которая располагает иероглифы по четыре знака в строке и не допускает повторения иероглифа дважды. С древнейших времен трактат использовался в качестве учебника иероглифического письма.

Корейские переселенцы

Большая роль, которую сыграли переселенцы с Корейского полуострова (их называли *кикадзин*) в первичном просвещении древней Японии и приобщении ее к китайской культуре, установлена достоверно. Попадая в Японию разными путями и по разным причинам, они ассимилировались на островах и становились основателями родовых кланов, в течение многих лет продолжавших ремесло предка-основателя. Переселенцы получали от двора японского правителя разрешение на профессиональную деятельность, а вместе с ним и фамилию, прямо указывавшую на род этой деятельности. Многим грамотным переселенцам поручалась работа с китайскими текстами и распространение знаний, которыми они владели. С 592 по 628 г. страной Ямато управляла первая в истории этой страны женщина-правительница по имени Суйко (554—628). Из исторических документов известно, что в период ее правления в стране насчитывалось 28 родовых кланов, которым официально было предписано работать с письменными документами и литературными памятниками, и большинство этих кланов включало в себя потомков ранних переселенцев с Корейского полуострова. Самыми известными среди них были кланы с общей фамилией *фуми-но хито* (семь семей прямых потомков ученого монаха Ваникиси), *адзики-но фумихито* (две семьи прямых потомков Адзики), *ая-но атаэ* и *фунэ-но хито* (29 и 11 семей прямых потомков других корейских переселенцев соответственно) (6, с13). Многие выходцы из страны Кudara внесли заметный вклад в становление японской культуры. Некоторые из них, как художник хэйанского периода Кudara Каванари (782—853), сохраняли в своей фамилии название исторической родины. О роли выходцев из этого государства на Корейском полуострове говорит тот факт, что в префектуре Нара и сегодня существует буддийский храм Кudara (*Кudara-дэра*), построенный на месте древнего поселения выходцев из этой страны (8).

Историческая хроника *Нихон сёки* содержит упоминание о том, что в 602 г. ко двору правительницы Суйко из страны Кudara прибыл миссионер по имени Канроку и привез с собой ученые книги по летосчислению, географии и науке о небесных светилах. Обучение нескольких придворных этим миссионером некоторые японские историки считают официальным началом распространения в Японии китайской натурфилософии (8).

В соответствии с практикой того времени, провинциальная знать должна была регулярно прибывать на отработки ко двору верховного правителя. Ученым во время таких отработок поручали разбирать дипломатические грамоты и послания, составлять ответы, проводить сверку росписей налогов, реестров надельных земель и пр. Другой важной обязанностью было обучение грамоте наследников самого правителя и высшей придворной знати. Письменность была

китайской, поэтому можно предполагать, что уже на этом этапе начался процесс ее адаптации к практическим потребностям того времени. Это было неизбежно, поскольку заимствованными китайскими иероглифами приходилось фиксировать привычные понятия мер площади, объема и веса, названия орудий труда и инвентаря, фамилии, чины и титулы японцев и многое другое, для чего китайские письменные знаки не были изначально приспособлены. Поэтому противоречие между стремлением сохранить в неизменности заимствованную письменную культуру и желанием приспособить ее к своим нуждам было неотъемлемым признаком японской письменности и литературы в процессе ее становления.

Прямые связи с Китаем

После распада государства Кudara ему на смену пришли три страны Корейского полуострова: Силла, Пэкче и Когурё. Они продолжали служить проводниками китайской культуры в Японии. Однако на протяжении веков весьма сильным было и прямое влияние китайских династий. Устойчиво стабильными стали контакты между Японией и установившейся в 581 г. китайской династией Суй (581—618). В 600 г. Япония направляет в государство Суй свою первую дипломатическую миссию, в 614 г. — последнюю. После небольшого перерыва, вызванного крестьянскими волнениями, которые привели к падению Суй и установлению следующей династии Тан (618—907), Япония в 630 г. возобновляет практику направления дипломатических представительств в Китай и продолжает ее в течение 264 лет. Последняя миссия вернулась из Китая в 894 г. За этот срок Японии удалось позаимствовать из Китая очень многое. Миссии были частыми и многочисленными — в разные годы они насчитывали от 240 до 651 чел. В их состав включали придворных аристократов (иногда целыми семьями), ученых, направляемых на учебу чиновников и учащихся, служителей культа и т.д. Сроки учебы были длительными — от нескольких лет до десятков лет.

Мощная в военном и экономическом отношении империя Тан быстро укрепила бюрократический механизм централизованного управления страной. За три века прямых контактов Япония позаимствовала всю идейно-философскую и правовую базу древнекитайского государства, в том числе и концепцию системы образования как одного из важных элементов управления обществом и государством. Именно на заимствованной в Китае правовой базе был составлен и в 604 г. принят первый в истории Японии свод административных законов, получивший название «Конституция из 17 пунктов» (*дзюситидзё кэмпо*). К тому времени в Китае в целом уже сложилась и успешно действовала система конкурсных экзаменов на занятие государственных должностей, сформировался класс «ученых мужей» (*шенъши*) и определилось их место в общественной иерархии. Формирование этих институтов и идеологии государственного устройства и управления в Китае началось примерно во II в. и завершилось к X в., поэтому на момент заимствования Японией они имели достаточно сложившийся вид. О том, какую роль они играли в жизни китайского общества, говорит тот факт, что государственные экзамены на должность существовали в Китае до 1905 г., а сословие *шенъши* — до 1949 г.

Управление образования — дайгакурё

Как уже было отмечено, потребность в создании органов образования, которые могли бы обеспечивать подготовку грамотных чиновников для центрального правительства и на местах, впервые была документально зафиксиро-

вана во время реформ Тайка в середине VII в., а полноценная реализация этой идеи произошла в 701 г., после принятия административно-гражданского кодекса *тайхо рицурё*, когда Японией правил император (5) в 42-м поколении Момму (годы жизни 683—707, годы правления 697—707).

Закон предписывал создание учебных заведений двух типов: одного центрального и множества местных. В соответствии с этим в составе одного из министерств центрального правительства (*сикибусё*) было создано управление образования (*дайгакурё*). По своей организации и задачам это было одновременно и министерство образования в его современном понимании, и высшее учебное заведение. Все преподаватели состояли на государственной службе и были государственными чиновниками. Для получения поста преподавателя был необходим высокий ранг и заслуги на научно-педагогическом поприще.

По закону «*рицурё*» в каждой провинции должна быть одна школа для обучения детей местной родовой знати. Такие школы называли *кокугаку*. Они должны были управляться и финансироваться силами местных правящих кланов. Кланов отчитывались о работе школ перед министерством (4, с.51).

Все работавшие в *дайгакурё* делились на четыре разряда.

Высший разряд имел ректор, совмещавший эту должность с обязанностями министра образования. Ниже ректора следовали профессора, доценты и ассистенты. Они были лишены чиновных функций и занимались только научно-педагогической работой.

В учебном заведении поначалу было четыре отделения: китаеведения, фонетики, письма и счета. На первых двух предмет изучения был один и тот же, но занимались им с разных сторон. На первом этапе трудные тексты учились правильно читать вместе с преподавателем. Освоив чтение, что и называлось фонетикой, переходили к заучиванию, но уже на другом отделении. Через некоторое время эти два отделения были сведены в одно, которое получило название *мёгё* с прежним предметом изучения. На двух других отделениях учились писать и считать, они занимали подчиненное положение по отношению к отделению китаеведения.

Система допуска к поступлению в высшее учебное заведение имела отчетливо избирательный характер. На постоянной основе к учебе допускались лица двух категорий: дети столичной знати не ниже пятого придворного ранга (6) и дети из родовых кланов, имевших высочайшее предписание для занятий наукой, искусством и педагогикой (их называли *ямато-кавати фумитобэ*). Кроме них, в индивидуальном порядке разрешение могли получить дети из знатных провинциальных родов при условии успешного окончания местной школы *кокугаку*, из чего можно сделать вывод о том, что *дайгакурё* по отношению к провинциальным школам было высшим учебным заведением. После индивидуального рассмотрения заявки могли приниматься на учебу и дети из семей аристократов, имевших придворные ранги с шестого по восьмой. Граница между пятым и шестым рангами была не случайной — именно по ней проходило разграничение максимальных привилегий для высшей придворной знати. Наряду со льготами по уплате налогов среди них было и преимущественное право на образование. Дети аристократов ниже восьмого ранга так же, как и дети простолюдинов, по закону *рицурё* к обучению в высшем учебном заведении не допускались (4, с.49).

Принимали на учебу в возрасте от 13 до 16 лет, курс обучения должен был быть пройден за 9 лет. За плохую успеваемость или посещаемость могли лишиться права сдавать конкурсный экзамен на должность или вообще отчислить.

Успешное усвоение программы *дайгакурё* само по себе не гарантировало должности или придворного ранга, но давало право держать экзамен на

занятие такой должности. Максимальный результат на этом экзамене позволял рассчитывать на полный восьмой ранг и получение соответствующей этому рангу должности и неплохого материального обеспечения. Для честолюбивых выходцев из провинциальных родовых кланов это учебное заведение давало шансы на карьеру в столице.

По закону *рицурё* на первых порах дети высшей аристократии не были обязаны поступать в государственное высшее учебное заведение. Им разрешалось получать альтернативное образование, занимаясь с преподавателями индивидуально на дому. Окончивший индивидуальный курс приравнялся к выпускнику *дайгакурё*. По трудности занятия на дому не шли ни в какое сравнение с учебой в школе, поэтому не удивительно, что большинство высокопоставленных наследников предпочитали не утруждаться и занимались индивидуально. Этому способствовала и система наследования придворных рангов (*онги*), также заимствованная в Китае. Она имела целью закрепление господствующего положения верхушки аристократии. Суть системы заключалась в том, что по достижении 21 года сын аристократа наследовал ранг своих предков по мужской линии. Наследование было не эквивалентное, оно строилось по принципу убывания ранга, если наследник не предпринимал специальных усилий по его поддержанию или повышению. Учитывалась также и степень кровного родства. Фрагмент системы *онги*, действовавшей в первой половине VIII в., приведен в таблице (7).

Ранг отца	Первый	Второй	Третий	Полный четвертый	Неполный четвертый	Полный пятый	Неполный пятый
ранг сына, рожденного в браке	неполный пятый 2-й степени	полный шестой 2-й степени	неполный шестой 1-й степени	полный седьмой 2-й степени	неполный седьмой 1-й степени	полный восьмой 2-й степени	неполный восьмой 1-й степени
ранг внебрачного сына	полный шестой 1-й степени	неполный шестой 1-й степени	неполный шестой 2-й степени	неполный седьмой 1-й степени	неполный седьмой 2-й степени	неполный восьмой 1-й степени	неполный восьмой 2-й степени
ранг внука, рожденного в браке	полный шестой 1-й степени	неполный шестой 1-й степени	неполный шестой 2-й степени				
ранг внука, рожденного вне брака	полный шестой 2-й степени	неполный шестой 2-й степени	полный седьмой 1-й степени				

Система наследования придворных рангов объективно снижала ценность министерского образования. Как видно из таблицы, даже внебрачный внук аристократа третьего ранга в 21 год автоматически получал полный седьмой ранг первой степени, в то время как максимальный результат, показанный на самом трудном конкурсном экзамене на должность, давал право лишь на восьмой ранг. Поэтому первые десятилетия после введения этой системы учащиеся *дайгакурё* были представлены по большей части выходцами из семей средней столичной аристократии и провинциальных родовых кланов. 38 лет спустя, в 739 г., был издан указ, предписывавший обязательное обучение в *дайгакурё* для всех, кто хотел получить ранг и должность, независимо от происхожде-

ния. Незадолго до этого, в 730 г., был облегчен доступ в учебное заведение для молодежи из аристократических семей более низких рангов (6, с.18).

Достоверных данных о том, насколько эффективно работала система, не осталось. Однако среди японских специалистов по истории образования существует основанная на косвенных данных точка зрения, что план набора даже в самые первые годы после учреждения *дайгакурё* в целом выполнялся (6, с.18). Что касается доли выпускников высшего учебного заведения среди заметных государственных деятелей той эпохи, то о ней в некоторой степени можно судить по биографическому справочнику Такахаси Тосинори (Такахаси Тосинори, Дайнихон-си рэцудэн). Он неполный, и дает лишь приблизительную картину. По данным автора, в период с 701 по 794 г., эта доля составляла 3%, с 794 по 894 г. — 30%, а с 894 г. по 1069 г. — 23% (6, с.19).

Учебные тексты

Учебные материалы, как и методика преподавания, были заимствованы в Китае. Учеба была довольно трудной. За девять лет необходимо было выполнить всю программу, которая на главном отделении *мёгё* включала в себя усвоение девяти классических китайских трактатов. Они делились на две группы: работы для обязательного изучения и работы по выбору. К обязательным относились два трактата: «Беседы и суждения» (*ронго*) и «Трактат о сыновней почтительности» (*кокё*). Для изучения по выбору предлагалось семь работ, которые по важности объединялись в три группы или серии. Так называемая «большая серия» (*дайкё*) состояла из трактатов «Книга этикета» (*райки*) и «Хроника эпохи Чуньцю» (*сюндзю садзи-дэн*). «Средняя серия» объединяла три трактата: «Книга песен» (*моси* или *сикё*), «Этикет эпохи Чжоу» (*сюрай*) и «Этикет и церемонии» (*гирай*). В «малую серию» входили «Книга перемен» (*сюэки*) и «Книга истории» (*сёсё*). Каждое из этих пособий представляло собой оригинальный китайский текст, снабженный комментарием, который по объему был близок к оригиналу, а то и превосходил его.

Как уже говорилось выше, трактат «Беседы и суждения» был завезен в Японию за несколько столетий до этого корейским переселенцем Вани и содержал откровения Конфуция, записанные позднее его последователями. «Трактат о сыновней почтительности» («Сяо Цзин») также составлен в форме бесед древнего китайского мыслителя со своими учениками. В них он рассуждает о необходимости выполнения сыновнего долга по отношению к родителям, а также уважения, почитания и подчинения старшим со стороны младших вообще.

«Книга этикета» («Ли Цзи») — древний свод замечаний, рассуждений и поучений о морали, этике и добродетели на основе самых разнообразных явлений общественной и личной жизни человека. В нем можно найти и высокие рассуждения о смысле и добродетели в политике государства, и примеры из повседневной жизни бедных горожан. Структурно трактат состоит из восьми больших разделов (10, т.14, с.480).

Вторая работа «большой серии» «Хроника эпохи Чуньцю» («Цзо Чжунань»), приписывается ученику Конфуция Цзо Цюмину и имеет характер исторической летописи, лишенной философских рассуждений. Найденная предположительно в 320 г. до н.э., она описывает в основном фактическую сторону исторических событий в Китае в эпоху войн Чуньцю (722—481 гг. до н.э.) и содержит диалоги исторических лиц. В некоторых диалогах раскрываются натурфилософские представления древних китайцев, их мировоззрение, взгляды на мораль и политику (11, т.2, с.5).

Входивший в «среднюю серию» трактат «Книга песен» («Ши Цзин») — образец классической древнекитайской поэтической антологии, состоящий из 305 стихов и песен, написанных предположительно в период между XI и V вв. до н. э. Будучи одним из древнейших литературных памятников, входил в состав известной конфуцианской серии, именуемой «пятикнижие» (10, т.6, с.713).

Составление трактата «Этикет эпохи Чжоу» («Чжоу Ли») приписывают руке древнекитайского государственного чиновника. Эту историческую хронику относят ко II в. до н.э. Она состоит из шести разделов, озаглавленных «небо», «земля», «весна», «лето», «осень», «зима», и содержит записи о законах и финансах, о назначениях на должности и военных походах, разнообразных случаях из дипломатической практики и других фактах, связанных с китайским императорским домом (6, с.14).

В 17-ти разделах трактата «Этикет и церемонии» («И Ли») описываются многочисленные этикетные нормы и правила поведения, традиции и сценарии культовых и обрядовых церемоний, таких, как рождение, совершеннолетие, свадьба, похороны и пр. Большое место занимает кодекс чести воина.

Трехтомный трактат «Книга перемен» («Чжоу И») является по существу гадательной книгой. Она знакомит с основными постулатами даосизма и способами достижения совершенства через отшельничество.

Современный вариант «Книги истории» («Шан Шу») состоит из 58 глав и приписывается Конфуцию. Утверждают, что автор пользовался хрониками, составленными чиновниками древнего Китая. По содержанию работа представляет собой изложение различных исторических фактов вперемежку с мифами и легендами, освящающими высшую власть императора, ниспосланную небом.

С веками взгляды на историческую и философскую ценность работ менялись. Их объединяли в группы, обязательные для изучения, как по тематике, так и по степени важности. Именно в этом смысле позднее стали использовать такие выражения, как «трехкнижие» Конфуция, «четырёхкнижие» и «пятикнижие».

Учебный процесс

В высшем учебном заведении *дайгакурё* вначале было 4 отделения, однако вскоре, как уже говорилось, отделения фонетики и китаеведения слились в одно, так как имели один и тот же предмет изучения, который по-японски назывался *мёгё*. Отделения письма и счета имели второстепенное значение, что видно уже из того факта, что на отделении китаеведения одновременно учились 400 человек, а счет изучали 30 студентов (точное число учащихся на отделении письма неизвестно, но для его обозначения в исторических документах используется выражение «незначительное количество») (10, т.13, с.515). О характере учебы говорит то, что на 400 учеников было всего 3, а затем 5 преподавателей. Первый этап обучения состоял в том, чтобы научиться правильно читать китайские тексты. На втором этапе слушали лекции по содержанию трактатов. В соответствии с этим все студенты делились на две категории — начинающих «чтецов» (*докуся*) и продолжающих «слушателей» (*кося*). Единицей учебного цикла была не неделя, как сегодня, а декада. Занятия продолжались десять дней, затем следовал день отдыха. В последний день учебной декады сдавали экзамен. Для студентов фонетического этапа преподаватель подбирал фрагмент текста объемом в 1000 знаков и закрывал три любых иероглифа. Экзаменуемый должен был восстановить их по памяти и

правильно прочитать. Для тех, кто слушал лекции, подбирался фрагмент текста из 2000 знаков, толкующий одну из догм так называемого «большого закона» *тайги* (8). На обоих экзаменах обычно давалось три задания, экзаменуемый должен был справиться с двумя из них. В этом случае экзамен был сдан, и студент мог продолжать изучение работы. При неудовлетворительном результате на экзамене студент получал административное наказание. В конце учебного года для «слушателей» устраивался итоговый экзамен, который принимал сам ректор или его помощник. Из пройденного за год материала студент получал восемь вопросов по догмам «большого закона». Ответ на 6 или более вопросов означал отличный результат, на 4 или 5 вопросов — хороший, менее, чем на 4 вопроса — удовлетворительный. Последний вариант не означал провала, но три подряд оценки «удовлетворительно» на годовых экзаменах автоматически лишали студента права сдавать конкурсный экзамен на должность после окончания учебного заведения. Такому же наказанию подвергались не справившиеся с программой обучения. Отчисление за плохую посещаемость или успеваемость практиковалось и в процессе учебы (6, с.16).

На лекциях студенты заучивали вслед за преподавателем отрывки текстов. Изменять или толковать текст оригинала запрещалось. На экзамене идеальным ответом также считался воспроизведенный по памяти текст. Учеба в *дайгакурё* имела целью подготовку дисциплинированных, исполнительных и преданных чиновников для аппарата управления, усвоивших систему ценностей конфуцианской идеологии и не грешивших излишней самостоятельностью.

Обучение в высшем учебном заведении было изнурительным, но демократичным — все студенты, невзирая на происхождение, учились в равных условиях.

На последнем итоговом экзамене выпускник должен был проявить знание всех девяти классических трактатов. В то же время он имел определенное право выбора. Как уже говорилось выше, два сочинения из обязательной программы — «Беседы и суждения» и «Трактат о сыновней почтительности» — сдавались всеми. В дополнение к ним нужно было выбрать еще две работы на свое усмотрение — по одной из «большой» и «малой» серий, либо два из «средней» серии.

Первый организационный вариант высшего учебного заведения Японии имел немало недостатков. Это была малоподвижная, жестко организованная снизу доверху иерархическая структура, основанная на подчинении и исполнительности, в целом отвечавшая своему назначению и потребностям времени. Она выполняла задачу воспроизводства прослойки правящей аристократической элиты и способствовала укреплению статуса императора и власти централизованного бюрократического государства. Преподавание было малоэффективным и строилось на механическом заучивании текстов. Роль преподавателя в учебном процессе имела в большой мере контрольно-карательный характер, а успех ученика почти полностью зависел от его личных качеств, главными из которых признавались старательность, дисциплинированность, терпение и хорошая память. Содержание обучения не имело никакой связи с практической деятельностью вне стен учебного заведения и будущей работой. Воспитательный аспект обучения был доминирующим, и собственно учебу можно было рассматривать как повод для него.

В дальнейшем *дайгакурё* постоянно реформировалось и подстраивалось под изменяющиеся требования времени. Первые изменения были внесены уже в 730 г. (годы правления *Тэмнэ*, период Нара), через 29 лет после начала работы в новых условиях. Число учебных отделений, а вместе с ним и число

предметов, было увеличено с 4 до 6. Новые предметы назывались *мондзё* и *мёбо*. 20 студентов, поступивших на отделение *мондзё*, изучали историю и филологию Китая (преимущественно поэзию) по тем же классическим литературным памятникам, а 10 студентов отделения *мёбо* имели принципиально новый объект изучения — организацию учебных заведений и содержание законодательства *рицурё* (10, т.13, с.534). Создание этого отделения знаменовало собой новый этап в развитии японского образования: впервые объектом изучения стало не идейное наследие мудрецов древности, а написанные современниками учеников законы и созданные на их основе правила организации учебного заведения.

Одновременно с частичным изменением учебной программы был расширен допуск к учебе в *дайгакурё*: право поступления было предоставлено представителям аристократии ниже 8 ранга, чего раньше не было.

Конкурсные экзамены на должность

Система конкурсных экзаменов на занятие государственной должности также была заимствована в Китае. До 739 г. такие экзамены мог сдавать любой обладатель соответствующего придворного ранга, независимо от формы полученного образования. Однако и в это время шансы выпускников *дайгакурё* были выше по двум причинам. Во-первых, содержание предметов, выносимых на экзамены, хотя и частично, но совпадало с тем, что штудировали в учебном заведении. Во-вторых, государственные экзамены принимали преподаватели *дайгакурё*, и им по многим причинам было психологически комфортнее видеть своих учеников в числе победителей на экзаменах.

После 739 г. учеба в высшем учебном заведении стала обязательным условием допуска к экзаменам на должность, и его роль возросла. Однако окончание *дайгакурё*, даже став обязательным, само по себе не гарантировало получения должности, а только давало право претендовать на нее. Главная причина заключалась в большой автономности конкурсных экзаменов, отсутствии прямой связи с учебной программой и отсутствии льгот для выпускников учебного заведения. Экзамены требовали большой самостоятельной подготовки и индивидуальных способностей.

Весь цикл состоял из шести экзаменов. Первым и самым важным считался экзамен, который называли *сюсай*, что можно перевести как «талант» или «способности». Этим словом называли и предмет, и экзамен по нему, и сдающего, и сдавшего экзамен. Причем последнее обозначение в более поздние века получило самостоятельное употребление со значением «одаренный человек», «талант». Этот экзамен проводился в письменной форме, нужно было ответить на несколько вопросов по науке управления государством. Дополнительную трудность экзамену придавала необходимость литературного оформления ответов, которая должна была показать владение художественным стилем изложения. Трудность, цветистость и образность выражений, использованных в изложении, ценились так же высоко, как и его содержание. Это был единственный предмет, который можно было сдать даже в том случае, если соответствующая ему учебная дисциплина не была полностью пройдена и сдана по программе учебного заведения. Другими словами, это был экзамен, отдающий предпочтение индивидуальным способностям перед необходимостью последовательного прохождения всех ступеней учебы. Успех на этом экзамене давал наибольшие карьерные выгоды: при отличном результате можно было получить самый высокий из возможных придворных рангов — полный восьмой

первой степени, а при хорошем — полный восьмой второй степени. Значение, которое придавалось литературно-стилистическим способностям на этом экзамене, привело к тому, что соответствующий предмет учебной программы позднее, в период Хэйан, выделился в самостоятельную литературную дисциплину (*бунсё-до*) и стал профилирующим, обозначив тем самым смену приоритетов в образовании для аристократов (6, с.16).

Следующий экзамен назывался *синси*. Это тоже было письменное сочинение в форме ответов на вопросы по государственно-политическому устройству, управлению и чиновному делопроизводству. Вопросы и ответы базировались на знании двух классических трактатов, которые не изучались в *дайгакурё*: поэтической антологии *мондзэн* (кит. «Вэнь сюань») и справочника-толкователя иероглифов *дзига* («Эр'я»). Антология насчитывала 800 стихотворных произведений, изложенных в тридцати томах, и считалась одним из образцов древнекитайской поэзии, охватывающей примерно тысячелетний период. Позже ее объем увеличился до 60 томов за счет комментариев и толкований. Считается, что инициатором и вдохновителем составления антологии был принц Чжао Мин (501—531) из династии Лян, живший в эпоху Чуньцю (722—481 гг. до н.э.).

Дзига — древнекитайский литературный памятник неизвестного автора, составленный не позднее II в. до н.э., вероятнее всего, в начальный период правления династии Цинь. По содержанию это словарь-справочник, дающий толкование значений иероглифов без учета их формы и произношения. Вероятно, он был составлен для работы с текстами и из-за древности быстро приобрел канонический характер.

Третий экзамен проводился по предмету *мёгё*, который изучался в высшем учебном заведении. Он был прямо связан с учебной программой *дайгакурё* и давал некоторые преимущества его выпускникам.

Особенность четвертого экзамена, который также проводился по предмету *мёгё*, состояла в том, что по названию это была та же учебная дисциплина *дайгакурё*. Он тоже требовал большой самостоятельной подготовки, так как по содержанию экзамен отличался от того, что изучали в *дайгакурё*. Всего давалось десять вопросов, рассчитанных на знание действующего административного законодательства *рицурё*.

На пятом экзамене («письмо») проверялась степень владения иероглифической письменностью и на шестом («счет») — умение работать с числами.

Таким образом, из шести экзаменов три проверяли знание китайского литературно-философского наследия, один — знание действующего японского законодательства и два — грамотность. В целом экзамены на получение должности были трудными, и успех означал попадание в бюрократическую элиту. Во время реформы образования в 730 г. содержание учебной программы *дайгакурё* было немного приближено к требованиям на экзаменах, и это повысило его роль в системе бюрократического управления (6, с.18).

Следует отметить, что отсутствие прямой зависимости между профессиональной квалификацией, получаемой в высшем учебном заведении, и требованиями, предъявляемыми к претенденту по месту его будущей работы, в полной мере существует в Японии и сегодня, составляя одну из особенностей системы образования этой страны. При устройстве на работу в государственные органы, в любой из органов местного самоуправления или сколько-нибудь серьезную частную компанию сегодняшние выпускники, как и много столетий назад, сдают несколько довольно сложных экзаменов, часто не имеющих никакого отношения вообще к тому, что они изучали в вузе. Этому можно найти много разных объяснений, от стремления научить молодых специалистов гото-

виться самостоятельно до недоверчивости предприятий, перепроверяющих результаты официального образования. Однако в любом случае следует помнить о том, что эта важнейшая отличительная черта японского образования уходит своими корнями в глубь веков, ко времени ее заимствования из Китая.

Другие центральные школы

Помимо *дайгакурё* законодательством *тайхо рицурё* были учреждены еще три типа центральных учебных заведений, которые тоже входили в состав правительства и одновременно сочетали в себе свойства образовательного учреждения и министерства. Это были управление натурфилософии (*оммёрё*), управление искусств (*гагакурё*) и медицинское управление (*тангьякурё*).

Управление натурфилософии было среди них самым влиятельным и соперничало с управлением образования. Сферой его забот было преподавание и распространение древнекитайской религиозно-философской концепции мироздания. Она строилась на предположении, что все сущее есть результат взаимодействия светлого и темного, положительного и отрицательного, мужского и женского начал *инь* и *ян*, а все изменения в мире объясняются наличием пяти ключевых элементов мироздания: воды, огня, дерева, металла, земли. Концепция заменяла собой религию, естествознание и философию. Она также была завезена в Японию из Китая через Корейский полуостров. В *Нихон сёки* есть упоминание о приезде в Японию корейского миссионера по имени Канроку из страны Кудара, который подарил правительнице Суйко ученые книги по летосчислению, географии и науке о небесных светилах. Обучение первых придворных и считается официальным началом распространения этой науки в Японии (4, с.35; 1, с.10). Принятый в 701 г. свод законов упорядочил этот процесс.

Во главе управления стоял ректор в ранге министра (*оммё-но ками*), которому подчинялись преподаватели трех учебных отделений: философии, астрономии и летосчисления. Сведение этих наук в рамках учебного процесса было не случайным. Китайская натурфилософия объявляла своей задачей объяснение происхождения всего сущего на земле, а также законов превращения вещей. Знание этих правил означало возможность предсказания будущего, которое по тогдашним понятиям было неразрывно связано со знанием небесных законов. А изучение летосчисления давало ключ к познанию прошлого. Несмотря на изрядную наукообразность обоснования, в основе натурфилософии лежало простое и естественное желание вычислить удачу и избежать беды. Способность предсказывать будущее олицетворялась в знании обрядов, молитв, магических заклинаний и пр. На занятиях учились, какими молитвами можно снискать долгую жизнь и отогнать злых духов, заучивали, в какое точно время и в каком месте нужно искупаться, чтобы отвратить болезни или несчастья и т.д. В качестве учебных пособий использовались древние китайские тексты, среди которых был и уже упоминавшийся трактат «Книга перемен» (*сюэки*). (4, с.79).

Наряду с заимствованными магическими знаниями продолжали практиковать традиционное японское предсказательство. Среди обязанностей, которые выполняло при дворе это управление, было изучение секретов небесных тел и земных богов в духе синтоистского вероучения. Оно отвечало за проведение сеансов гадания и официальное предсказание будущего.

В современной Японии все виды магической практики выведены за рамки образовательных программ, но в почитающем традиции японском обществе она имеет свою постоянную нишу. Хотя об этом никто серьезно не говорит, традиция обращения к гадалкам и прорицателям по самым разным поводам

остаётся устойчивой привычкой современных японцев, полученной ими в наследство от далеких предков. Это тайком делают при выборе даты свадьбы или похорон (в последнем случае, например, недопустимо ее совпадение с датой смерти Будды или одним из особенно несчастливых дней (*томобики*), так как, по преданиям, это может повлечь за собой другую смерть), при выборе даты зарубежной поездки, даты переезда на новое место жительства (каждому дню недели здесь соответствует благоприятное направление по азимуту) и выборе самого места (существуют особо несчастливые, «дьявольские места» (*кимон*), которых нужно избежать). Широко не афишируя, советуются с гадалками при выборе жениха или невесты (существует понятие *айсё*, означающее благоприятное для брака сочетание дат рождения, вычисляемое по специальной таблице), при устройстве на работу и т.п.

В медицинском управлении (*тэнъякурё*) обучали способам лечения болезней, искусству составления лекарств и выращивания лекарственных растений. Медицинские знания также были китайского происхождения и попали в Японию через Корейский полуостров. Первыми их обладателями и распространителями были уроженцы государства Кudara, в течение нескольких веков сохранявшие монополию на врачебную деятельность (4, с.32). В организационном отношении *тэнъякурё* продолжали традиции созданных при императоре Тэмму (?—686) центральных врачебных ведомств (4, с.32). Источниками знаний о болезнях и способах их лечения были китайские трактаты.

Как и в других центральных школах, во главе *тэнъякурё* стоял ректор-министр, которому подчинялись преподаватели четырех квалификационных разрядов. О степени развитости этой науки говорит то, что число врачебных специальностей превышало 20 (10, т.9., с.1036). С течением времени завезенные из Китая первоначальные знания обогащались собственным эмпирическим опытом и наблюдениями, и со временем в Японии сформировались отечественные научные кланы и школы. С усилением тенденции к образованию частных клановых учебных заведений врачи-обладатели высших рангов сосредоточились в научных кланах Вакэ и Тамба (последний представлял выходцев из Китая), а врачи, вышедшие из средних и низших ранговых сословий, заняли ведущие позиции в кланах Фудзивара, Сугавара, Накахара и Корэмунэ (1, с.10).

Учреждение управления искусств (*гагакурё*) организационно оформило давние традиции музыкальной культуры, восходящие, согласно историческим хроникам, к периоду правления девятнадцатого по счету правителя Японии по имени Ингё, жившего предположительно в конце IV — начале V вв. (4, с.36). Считается, что японская музыка как вид искусства сложилась ко второй половине VII в. (4, с.37), поэтому музыкальное образование в *гагакурё* осуществлялось по трем направлениям: китайская, корейская и японская музыкальная культура. У каждого было свое учебное отделение со штатом преподавателей и студентов. На момент учреждения школы основным и наиболее крупным было отделение японской музыки, набор на которое был определен в 250 студентов. Однако уже через 30 лет количество учеников здесь сократилось до 28, а самым популярным к тому времени стало музыкальное направление, которое позднее наиболее полное выражение нашло в тайской музыке. К началу IX в. отделение японской музыкальной культуры было реформировано, сократилось до 40 человек и начало раздельное обучение мужчин и женщин (10, т.3, с.142). Содержанием обучения было пение, танцы и игра на национальных музыкальных инструментах.

Провинциальные школы (кокугаку)

Законодательство *тайхо рицурё* ввело новое административно-территориальное деление страны на провинции во главе с губернатором и составляющие их уезды. Во главе каждого стоял начальник уезда. В каждой провинции предписывалось создать по одной школе для обучения детей начальников уездов. В русле общего курса на строительство сильного централизованного государства обучение было призвано закрепить доминирующее положение местных правящих кланов и одновременно упрочить их связь с центральным правительством. Центральная власть возлагала также надежды на глубокое проникновение устраивающей ее идеологии конфуцианства в массовое общественное сознание провинции, жившей во многом по старым законам родовой общины.

Все провинции по статусу были поделены на четыре категории: огромные, большие, средние и малые. В каждой должна была быть школа с двумя учебными отделениями: китаеведения и медицины. Для каждого отделения был определен план набора учеников и штат учителей. В самых крупных провинциях на отделение китаеведения набирали 50 учеников, на медицинское отделение — 10. В больших провинциях план набора был 40 и 8, в средних — 30 и 6, в малых — 20 и 4 человека соответственно. Количество учителей было постоянным — по одному на отделение независимо от числа учеников (6, с.24). Учителя должны были быть уроженцами местной провинции, но при отсутствии кадров разрешалось приглашать из других. План набора должен был выполняться за счет детей и родственников начальников уездов, но если оставались вакансии, то разрешалось принимать учеников простого происхождения.

Работа отделения китаеведения строилась примерно так же, как и в столице, а вот медицинское отделение было отличием провинциальной школы. Во-первых, учителем в ней был врач, совмещавший врачебную практику с преподаванием. Во-вторых, на медицинское отделение принимали без ограничений учеников простого происхождения.

Если не считать медицинского отделения, то все остальное в *кокугаку* было уменьшенной копией столичной школы. Принимали на учебу в возрасте от 13 до 16 лет, учились те же 9 лет. При окончании надо было показать знание двух или более конфуцианских книг. После окончания школы можно было поступать в столичное учебное заведение. Это можно было делать либо сразу, либо позже, во время обязательных отработок при дворе, для этого следовало только подать соответствующую заявку. Для получения должности в местной администрации необходимо было сдавать экзамен в столице.

Из отличий следует отметить отсутствие историко-филологической направленности обучения, которая присутствовала в столице. В провинции основной задачей было конфуцианское образование.

Несмотря на законодательные инициативы центральной власти, вращание образовательных инноваций в местную почву проходило трудно. Начальниками уездов обычно назначались бывшие вожди родовых общин, чтившие законы предков. И для них самих, и для их подданных были чужды и идеи конфуцианства, и идеи школьного образования. Кроме того, существовали и объективные трудности. Не хватало сил и средств на создание школы и управление. Не было учителей, которые по закону должны были сдать экзамены и получить аттестацию в столичном министерстве (*сикибусё*). Поэтому в 723 г. правительство было вынуждено ограничить перечень провинций, где должны были создаваться школы, теми тринадцатью, в которых были ставки импера-

торских наместников. Позже по мере роста понимания на местах необходимости школ правительство вернулось к принципу «школа в каждой провинции». Это произошло в 779 г. Оказывая помощь местным властям, правительство сумело добиться распространения школьного образования. Его расцвет, как и наибольшая эффективность столичной школы *дайгакурё*, пришелся на IX в. Достоверно подтверждено существование таких школ в 58 провинциях. Однако по мере ослабления власти централизованного государства и эффективности закона *рицурё* провинциальные школы начали быстро приходить в упадок, и к концу периода Хэйан упоминания о них исчезают из исторических документов (1, с.10).

Частные учебные заведения

Есть косвенные свидетельства того, что частные школы в Японии существовали уже в период реформ Тайка, то есть в середине VII в. Как отмечает Исикава Мацутаро, будущий правитель Японии Тэндзи (621—671), вернувшись после учебы в империи Тан и будучи еще в ранге наследного принца, вместе с Фудзивара Каматари (614—669) посещал домашние курсы (*дзюку*) ученого монаха по имени Минамибути Сёан, который прожил в Китае 33 года и после возвращения на родину занимался просветительской деятельностью (6, с.26). Если заимствованные в Китае домашние занятия с учениками можно считать работой частной школы, то придется признать, что такие частные школы имеют в Японии давнюю историю. Введение в действие законодательства *тайхо рицурё* и построение централизованного государства, объявившего всю землю и населявший ее народ своей собственностью, на некоторое время сместили главный акцент исторического развития в русло государственности и отодвинули на второй план существование частных домашних школ. Поэтому на протяжении примерно одного столетия сведения о них отсутствуют, хотя можно предполагать, что вряд ли они исчезли в это время окончательно. Через несколько десятилетий после учреждения государственных учебных заведений в столице и местных школ в провинциях во главе образовательного процесса в стране утвердилось несколько сильных научно-педагогических кланов. Заняв ведущие позиции в управлении образования *дайгакурё*, часть преподавателей в соответствии с давней традицией стали заниматься с приходящими учениками на дому. Частные школы возродились, но на иной основе.

Этот процесс особенно ускорился после создания в 834 г. в рамках управления образования отдельного учебного заведения *мондзёин*, которое специализировалось на исторической филологии Китая. Оно было открыто по инициативе представителя научного клана Сугавара по имени Сугавара Киёмомо (770—842), выпускника и профессора *дайгакурё*, учившегося в Китае и занимавшего высокие посты в правительстве. По современным представлениям, создание *мондзёин* можно рассматривать как укрупнение учебного подразделения с выделением его в отдельный корпус. Оно располагалось на территории *дайгакурё*, но стояло отдельно и было разделено на два крыла, в которых работали со своими учениками конкурирующие между собой научные кланы: в восточном крыле — кланы Оэ, Фудзивара, Киёси, Такаока, Ки, а в западном — Сугавара, Татибана и вторая ветвь самого мощного клана Фудзивара, разделившегося к тому времени на две научные школы.

С течением времени групповщина и борьба кланов в научно-педагогической сфере только усиливались. Это привело к тому, что на смену централизованной, государственно-бюрократической системе обучения пришла семейно-

клановая школа (*кагаку*). Ее появление было обусловлено рядом объективных причин. В рамках образовательной системы *рицурё* и вне ее велась непрекращающаяся борьба кланов за лидерство. Это порождало не только бесконечные научные дискуссии, но и стремление к замкнутости, к передаче «истинных» знаний исключительно своим ученикам. Кроме того, научные школы стремились упрочить позиции за счет привлечения в свои ряды представителей аристократии низших рангов, которые без помощи влиятельных кланов не могли рассчитывать на научную карьеру. Эти молодые люди в силу происхождения не имели права учиться в *дайгакурё*, поэтому с ними занимались на дому ведущие ученые клана. Получив образование, они в течение всей жизни верой и правдой служили воспитавшим их кланам, расширяя и усиливая их влияние. Все это объективно способствовало возникновению непримиримых научных группировок, отстаивавших свое право на истинное знание, не признававших оппонентов и стремившихся к расширению своего влияния при дворе. К моменту создания отделения *мондзёин* доминировали научные кланы Оэ и Сугавара. Это были первые побеги разросшейся к середине периода Хэйан научной групповщины, которая в конечном итоге изнутри разрушила систему обучения *рицурё*. Уже к концу VIII в. позиции отдельных научных кланов усилились настолько, что они начали строить собственные школы. Так, по инициативе Вакэ Хироё, врача по образованию, ведущий медицинский клан Вакэ одним из первых открыл собственную школу историко-филологического профиля *мондзёин*. Политический деятель Фудзивара Фуюцугу (775—828) из рода Фудзивара в 821 г. добивается открытия семейной школы *Кангакуин*. Усилия выходца из научного клана Татибана по имени Татибана Ёсифуру в 964 г. заканчиваются успехом в деле создания школы *Гакканъин*. Научная школа клана Аривара благодаря деятельности Аривара Юкихира (818—893), литератора по образованию, в 881 г. учреждает собственную школу *Сёгаккан*. Позже, когда кланы разрослись и существующие школы стали для них тесными, они начали строить собственные семейные учебные корпуса, которые называли *дайгаку бэссо*. Они имели статус учебных заведений, приданных к уже существующим, но управлялись силами одного клана.

Дальнейшая судьба семейных школ была тесно связана с судьбой породивших их кланов. Одни закрывались и находили себе иное применение, как школа клана Вакэ (она приходила в упадок с 889 по 897 г., пока не закрылась окончательно), другие после отмены системы *рицурё* и смены форм обучения становились чисто семейными частными учебными заведениями, как школы Аривара, Татибана и Фудзивара. Научная школа клана Фудзивара оказалась особенно плодотворной: одна из самых полных японских энциклопедий включает в себя более 140 выдающихся представителей этого рода, в разное время обучавшихся в ней. В их числе около 40 деятелей науки, культуры и образования, оставивших след в истории своей страны (8). На протяжении столетий работала семейная школа рода Татибана, расцвет которой пришелся на период Эдо (2 представителя рода в энциклопедии). Не канули в безвестность и самые мощные в VIII—IX вв. школы кланов Оэ и Сугавара, подготовившие для страны 8 и 4 выдающихся деятеля культуры соответственно (8).

Существовали семейные школы и вне ведущих научных кланов. Инициаторами их создания становились критически мыслящие просветители из числа ученых служителей культа. Начиная с VIII в., в японском обществе стало усиливаться влияние идей буддизма. В это время стали предприниматься отдельные акции благотворительности, к числу которых относилось и учреждение школ для обездоленных детей. Именно такую школу создал буддийский

священник Гёки (668—749), известный своей подвижнической и религиозно-просветительской деятельностью (9). В 828 г. собственную школу открыл другой известный священник-просветитель и литератор по имени Кукай (774—835), прошедший курс наук в танском Китае. Школа называлась «Согэй сютин» и имела собственный устав, написанный основателем. В нем говорилось, что «для спасения общества и личности, для укрепления государства» необходимо преподавание всех наук, в том числе конфуцианства, синтоизма и буддизма. Критикуя засилье конфуцианской идеологии в государственных школах, автор ратовал за разнообразие в подходах к обучению и возможность преподавать все иные философские концепции. Там же он говорит о порочности ограничений на образование для низших сословий и необходимости создания сети общедоступных альтернативных школ (1, с.11). Устав являет собой пример раннего отстаивания идей демократичности и плюрализма в образовании.

Однако школе не была суждена долгая жизнь. Через восемь лет после создания умер ее основатель, а еще через четыре — покровительствовавший ей влиятельный аристократ Фудзивара Тадамори, и она прекратила свое существование.

В исторических хрониках остались сведения об открытии кланом Фудзивара в X в. школы-приюта для девочек, где им не только давали возможность выжить, но и учили (1, с.12).

Примерно с середины X в. система законодательного правления *рицурё*, а вместе с ней и система государственного образования начинают утрачивать свои позиции. Центры реальной власти начинают все больше смещаться в покои императорского дворца и замки наиболее могущественных аристократических родов. Доступ к власти все чаще обеспечивается не только принадлежностью к аристократической верхушке и наследованием рангов, но и политическими манипуляциями, дающими новые привилегии, которые значительно превосходят привилегии прежнего служилого дворянства. Система централизованной подготовки государственных чиновников начинает терять свое былое значение, а роль клановых школ, превращающихся в семейные учебные заведения, возрастает. К концу периода Хэйан они становятся главным элементом системы обучения и во многом определяют ее дальнейшее развитие.

Примечания

- (1) В статье используется транскрипция, не фиксирующая долготу гласного звука.
- (2) Современный город с тем же названием, населением 240.000 чел., расположен на юго-западном берегу оз. Бива (преф.Сига), примерно в 100 км к северо-востоку от Осаки.
- (3) Кудара — японское название древнего государства, существовавшего в юго-западной части Корейского полуострова в IV—VII вв. Находясь под сильным влиянием китайской культуры, в то же время поддерживало тесные связи с Японией.
- (4) Подробнее см.: Кокуси дайджитэн (Большая историческая энциклопедия). Т.14. Ёсикава Кобункан.1986. С.828—830.
- (5) Правители Японии стали называться императорами, начиная с Тэмму, деда Момму (А.А.Толстогузов. Очерки истории Японии. М., 1995, С.18).
- (6) Всего в 664 г. при дворе было 26 рангов (А.А.Толстогузов. Указ. соч. С.17).
- (7) Подробнее см.: Кондо Ёсиро, Яёи бунка-рон (Культура эпохи Яёи). С.141—157. Цит по: (6, с.17).
- (8) «Большой закон» — свод основных конфуцианских норм и правил об отношениях между «высшими» и «низшими», особый упор делавший на взаимоотношения императора с подданными. Подчиненным предписывалось повиновение и преданность, а императору — забота о подданных и справедливость.
- (9) См.: Иноуэ Каору. Гёки. Ёсикава Кобункан, 1959; Футаба Н. Кодай буккё сисо-си кэнкю (Исследования по древней истории буддизма). Нагата бунсёдо, 1962.

Список использованной литературы

1. Исикава Мацутаро. Гайсэцу (Введение) — Кодза нихон кёйку-си (Курс лекций по истории японского образования). Т. 1. Дайити хоки сюппан, 1984.
2. Тадзима Хадзимэ. Кинсэй сякай-но кадзоку то кёйку (Семья и образование в позднем средневековье) — Кодза нихон кёйку-си (Курс лекций по истории японского образования). Т. 2. Дайити хоки сюппан, 1984.
3. Нихон сёки, том 12, цит.по: Исикава Мацутаро. Кодай кокка то кёйку (Древнее государство и образование) — Сэкай кёйку-си тайкэй (Серия: история мирового образования, под ред. Умэнэ Сатору). Т. 1. Коданся, 1976.
4. Сато Сэйдзицу. Нихон кёйку-си 1 (История японского образования, ч.1). Тоё бунко 231, 1973.
5. Сайто Сёдзи. Кодай кокка-но кэйсэй то гакко-но сэйрицу (Древнее государство и становление школы) — Кодза нихон кёйку-си (Курс лекций по истории японского образования). Т. 1. Дайити хоки сюппан, 1984, с. 30.
6. Исикава Мацутаро. Кодай кокка то кёйку (Древнее государство и образование) — Сэкай кёйку-си тайкэй (Серия: история мирового образования под ред. Умэнэ Сатору). Т. 1. Коданся, 1976.
7. Нихон кёйку-си нэмпё (Хронологический справочник по истории японского образования). Сансэйдо, 1990.
8. Encyclopedia Nipponica 2001 (Большая Японская энциклопедия). Сёгаккан, 1995. Т.1—26.
9. Маккосу Уэба. Дзюкё то докё (Конфуцианство и даосизм, перевод Мориока Хироси). Тикума сёбо, 1970. Цит по: Исикава Мацутаро. Кодай кокка то кёйку (Древнее государство и образование) — Сэкай кёйку-си тайкэй (Серия: история мирового образования, под ред. Умэнэ Сатору). Коданся, 1976. Т.1, С.13.
10. Кокуси дайджитэн (Большая историческая энциклопедия). Ёсикава кобункан, 1984—1988.
11. Древнекитайская философия. М., 1973. Т. 1—2.

SUMMARY: The article by Alexander Prasol covers the earliest stage in developing of the Japanese educational system (8—10 AD). By that time the previous stage of unsystematic studies in the Chinese classical literature had completed, and the first educational institutions in the capital and other places started to be registered officially. The Chinese culture had a significant impact on the process of the Japanese school establishing. It was spreading in Japan directly from Chinese empires (Sui and Tan), as well as through the ancient states in the Korean peninsula. The article focuses on the principle national features of the Japanese educational system, applied in three different types of schools, located in the capital (central educational administrative Board «daigakuryo», educational administrative Board of Medicine «ten 'yakuryo» and educational administrative Board of Fine Art «gagakuryo») and one type of the provincial school, known as «kokugaku. Besides, an overview of Chinese classical texts, used as textbooks is given in the article as well as a system of qualifying examinations for the government posts and their relation to school curricula. The role of such social issues as a system of succeeding to aristocratic ranks (ohn'i) and its influence on the establishing of formal education in Japan is discussed. The final part of the article describes the private family schools and the role they played in disintegration of the first state educational system in ancient Japan.

Уточнение. В журнале «Россия и АТР» №2 за 1998 г. в статье А. Прасола «Школьное обучение в период Токугава» на с. 109 в последнем абзаце, строке «... в период Камсэй» следует читать: «(1789—1801)». В резюме на английском языке (с. 119) в 5-й строке сверху следует читать «Alexander Prasol».